

Судьбоносная встреча

Я хорошо помню первую встречу с Еленой Сергеевной, которая состоялась в начале 1993 г. Тогда я только окончила истфак Московского университета, не прошла в аспирантуру Института этнологии АН и работала на должности «старшего помощника младшего инженера» в кинолаборатории МГУ, где занималась проектами по визуальной антропологии. Как-то серым зимним днем я сидела в лаборатории (одноэтажном желтом домике сталинской постройки возле II Гуманитарного корпуса) и занималась описанием киноархива, и вдруг в комнату вошла улыбающаяся, очень красивая женщина – и от ее улыбки вокруг стало как будто светлее. Я, как сейчас помню, вскочила с кресла и тоже ей улыбнулась, как будто в комнату зашел родной и долгожданный человек.

Елена Сергеевна приходила тогда к Евгению Васильевичу Александрову, руководителю киногруппы МГУ, по делам, связанным с визуальной антропологией. Незадолго до этого, летом 1991 г., они вместе с другими российскими и зарубежными коллегами участвовали в международной школе по визуальной антропологии, организованной канадским профессором Асеном Баликси в с. Казым Ханты-Мансийского округа, и продолжали заниматься проектами в этой области. Так мы познакомились с Еленой Сергеевной, и через некоторое время она позвала меня в аспирантуру только что открывшегося в РГГУ Института высших гуманитарных исследований.

Летом 1993 г., когда я писала вступительный реферат, ей сделали операцию, и я помню, как впервые приехала к ней домой с этим рефератом. Она была еще слаба после больницы и плохо себя чувствовала, извинилась, что не может пригласить меня на чашку кофе, и взяла мой реферат – читать. После этого, уже будучи аспиранткой, я часто бывала у нее, и мы бесчисленное число раз пили кофе, обсуждали фрагменты моей диссертации, она давала мне книги из своей богатейшей библиотеки, рассказывала многое из своего полевого опыта. Когда я уже защитилась и мое место заняли другие аспиранты и докторанты – Лена Семенова, Василий Костырко, Луиза Габышева, – я продолжала бывать у Елены Сергеевны, обсуждать идеи своих и ее новых статей, радоваться общению.

С самого начала нашего знакомства меня поразила искренняя и бескорыстная любовь Елены Сергеевны к науке, причем не только к своим темам и проектам, но и к работам своих коллег и учеников (в которые она вкладывала много сил и времени). Елена Сергеевна видела в научных исследованиях суть и смысл жизни, вот только работой в буквальном смысле слова наука для нее никогда не была,

скорее – не оставляющим в покое занятием, призванием со всеми его приметами – вдохновением, муками творчества, восторгом. Не присутственные дни в академическом институте, не отчеты, плановые статьи и монографии были для Елены Сергеевны наукой почти полвека, а ночные бдения над своими рукописями в свободное от служебных занятий время, а позже – и над рукописями учеников. Работая в издательстве «Искусство», а затем – в Фольклорной комиссии Союза композиторов, Елена Сергеевна свои статьи и книгу писала в буквальном смысле по ночам. Иногда даже, по ее рассказам, отдельные повороты темы, логические ходы, понимание того или иного сюжета приходили ей в голову прямо во сне – и на этот случай на столике рядом с кроватью всегда лежали бумага и заточенный карандаш. Просыпаясь утром окончательно, она брала листок с ночными записями и нередко, по ее словам, удивлялась: «Ну, днем бы я такого ни за что не придумала!»

Может быть, поэтому для текстов Елены Сергеевны характерна, если можно так сказать, внутренняя свобода, неожиданные ракурсы, умение увидеть, казалось бы, известный материал с новой стороны. В полной мере это проявилось при исследовании сибирского шаманизма. На страницах научных работ Елены Сергеевны мы не найдем и следа современного постмодернистского отношения к этому феномену, которое претендует на истинное понимание предмета и которым нередко подменяется действительно глубокое понимание. Структурно-семиотический подход к мифам и ритуалам народов Сибири в текстах Елены Сергеевны демонстрирует свои лучшие стороны и неисчерпанные – и это в пору всеобщего скепсиса и разочарования в позитивизме! – возможности. При этом ее экспедиционные рассказы полны таких историй, которым позавидовал бы иной постмодернист.

Вот, например, одна из таких историй, случившаяся в 1980 г. в Якутии во время полевой работы и съемок этнографического фильма «Времена сновидений». Один из героев фильма, пожилой якутский шаман, вначале очень негативно воспринял Елену Сергеевну – впервые он увидел ее несущей шаманский бубен («самое легкое, что было из вещей экспедиции, ну, кроме рюкзака и всего прочего») – и согласился на ее присутствие при камланиях, только если она не будет прикасаться к шаманским атрибутам (женщине этого делать нельзя).

«А потом, после первой съемки, – рассказывала Елена Сергеевна, – случилось несчастье: он вышел на свет... Недокамлал. Что-то ребятни много набилось в эту юрту. Потом им показалось скучно, они выходить начали, а дверь же нельзя открывать. Он же всерьез духов собирал! А они разлетятся. В общем, как-то он так... Ну, это незаметно было, но я-то понимаю, что не дошел он куда надо было.

Вышел – и я смотрю: он в ужасе! Смотрит на свой рукав, где развязался вот этот вот ремешочек кожаный. И эта косточка вот так вот отвисла, отвязалась! (Одна из металлических подвесок на костюме, символизирующих кости. – О. Х.) Ну, вообще по легендам я знаю, что вот если на костюме сломается какая-то подвеска, то, значит, что-то случится с шаманом. И подойти боюсь! Поскольку женщина и поскольку он меня от всего отстранил. Кричу: “Эдик, Эдик!” Эдик пришел, значит: “Подвеска, подвеска” – чего-то там к нему... Он к нему так подошел спокойненько. Ничего он не делал: не гладил его, не успокаивал, ну, какие-то словечки говорил. Ну, он просто развязался – не порвался, ничего. Привязал вот косточку – и потом он пошел и заснул. Днем – явно тяжелым сном. Вот, а вечером проснулся и сказал, что он будет продолжать. И даже не продолжать, а все сначала будет показывать. То есть два дубля получилось. Конечно, никогда с дублями не снимали. Раз дан – и все. А тут, значит, детей уже не пустили. Потом уже мы счастливые и довольные, и он доволен – и все, и колотушка правильно упала, и все замечательно! Сидим, значит, ужинаем. И он говорит: “Она видела, как черти на меня налетели, чуть руку мне не сломали!” И после этого как-то спокойнее к моему присутствию стал относиться уже. Не как к вражине какой-то, которая тут, женщина, болтается, только все поганит³.

Другую историю, вновь связанную с шаманскими атрибутами, привожу по своей памяти. На сценическое мероприятие, организуемое в Москве Фольклорной комиссией, должен был приехать шаман, у которого Елена Сергеевна перед этим была и, в частности, получила шаманский костюм. Костюм временно хранился у нее дома на антресолях. И вдруг приходит телеграмма о том, что шаман серьезно заболел и приехать на концерт не сможет. Елена Сергеевна почему-то (интуитивно?) полезла на антресоли, достала костюм и к своему ужасу обнаружила, что в нем поселилась моль! «Я схватила баллончик с дихлофосом, стала эту моль брызгать, и у меня было совершенно сумасшедшее чувство, что я не костюм спасаю, а его хозяина лечу!».

Эти рассказы Елены Сергеевны, как и ее научные труды, убедительно говорят о глубине проникновения в изучаемые культуры, о понимании законов архаического мышления, что сочеталось с рациональностью и аналитичностью, удивительной ясностью и красотой ее собственной мысли.

Ольга Христофорова

³ Эту историю Елена Сергеевна очень любила и часто ее рассказывала. Данный вариант записан Е.Е. Жигариной весной 2011 г.